

права впливу на їх розвиток чи зміну цивілізаційних пріоритетів. Тобто в цілому постає питання про безпосереднє копіювання загальноновизнаних стандартів розвитку.

Наскільки б вдало не були сформульовані ті чи інші цивілізаційні стандарти, і якщо та чи інша цивілізація перебуваючи під впливом відповідної культури приводить до нівелювання принципу відкритості то вона з необхідністю зобов'язана відмовитись від загальноприйнятих модернізаційних концептів щоб зберегти свою власну ідентичність в умовах глобалізації. Проте, при цьому доцільно протистояти появі так званих симбіозних форм модернізаційного розвитку, оскільки вони перешкоджають збереженню цивілізаційно-культурної ідентичності.

Цілком справедливим є зауважити, що глобалізація, яка визначає дотримання єдиних цивілізаційних стандартів частіше за все вона приводить до заперечення гуманітарних цінностей відкритого суспільства, що в кінцевому результаті перетворює громадськість на соціально та модернізаційно-аморфний клас, який відчуває свою приреченість на користування лише тими цивілізаційними нормами, які були запропоновані в загальноновизнаних цивілізаційних контекстах.

Одним із факторів соціальної, політичної та модернізаційної активності постає можливість та необхідність зміни постійної архітекτονіки політичного світу шляхом міжцивілізаційного діалогу. Людина в першу чергу має відчувати себе активним суб'єктом облаштування не лише архетипу внутрішньої відкритості, але й зовнішньої відкритості цивілізаційного розвитку. В протилежному ж випадку може наступити антропологічна катастрофа, яка відповідно приведе до занепаду цивілізацій.

Таким чином, цивілізаційні стандарти, їх пошук та адекватність застосування в межах окремої держави є предметом відповідних модернізаційних концептів, основним імперативом яких є забезпечення відкритості функціонування різних національно-ідентичних структур, що й складає на сьогодні основне герменевтичне коло політичної філософії.

УДК 316.47

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ФОРМА ГРАЖДАНСКОГО ДЕЙСТВИЯ

В.Ф. Шрейдер
Омск, Россия

Актуальность заявленной проблемы обусловлена тем, что в обществе трансформационных процессов, где не работает старая шкала ценностей, но еще не сложилась новая шкала ценностных ориентиров, общественная экспертиза в определенной мере выступает механизмом компенсации. Она заявляет о себе как форма гражданских инициатив, как поиск оптимальных форм гражданского согласия.

Цель данной статьи раскрыть роль и место общественной экспертизы в обществе трансформационных процессов, рассмотрев ее как одну из эффективных форм гражданского действия.

Для достижения этой цели автор решает **задачи**:

- ◆ Рассмотреть сущность общественной экспертизы;
- ◆ Раскрыть механизм ее осуществления;
- ◆ Определить специфику общественной экспертизы в условиях общества переходного периода.

Опыт повседневности является существенным условием обеспечения гражданского согласия. Но понимание жизненной реальности предполагает ряд условий. Одна из них состоит в том, что действующие индивиды руководствуются предложением: их партнеры видят и оценивают и мир, в сущности, как они сами. Для прояснения ситуации может быть использован «тезис о взаимности перспектив» А. Шюца [1, с. 48]

Создатель социологической феноменологии А. Шюц подчеркивал возможность взаимодостигаемости сторон на основе перемены мест участниками взаимодействия. Если «здесь» другого становится «моим» (и наоборот), различия перспектив на основе частных особенностей оказываются несущественными. Интерпретация актуальных и потенциальных объектов происходит сходным образом, по крайней мере, эмпирически тем же самым. В результате формируется знание об объектах, которое исключает своеобразие индивидуального опыта и образует типизирующие конструкторы (как знание «каждого») [2, с. 131].

Речь идет об универсальном достижении межсубъектной совместности, открытости контактов, которые предполагают сложные рекомбинации «Я» – «Ты» – «Мы». Их следует изучать в контексте межперсональной взаимообращенности, возможностях живых встреч, «увиденности» как движении из разных точек пространства. Так, социальное «вне нас» может наполняться живым конкретным содержанием и осуществляться «в нас», тем самым устраняя антиномичность разделенных позиций. По аналогии, следует использовать идеи «самораскрывающейся» реальности С.Л. Франка в аспекте «одинаковости жизни людей», «единства и общности в смысле объединенности, совместности, ее упорядоченности как единого конкретного целого» [3, с. 355-373]. Крайне интересными являются построения М. Бубера о взаимной дополнительности и особых пластах общения в рамках дихотомии «Я – Ты» и «Я – Оно» [4]. Это позволяет говорить о концентрированной открытости, предчувствиях взаимной устремленности сообщающихся сторон, их равной социально-человеческой принадлежности. В качестве репрезентативного примера можно рассмотреть современную практику проведения общественной экспертизы.

В принципиальном смысле власть и общество должны исходить из «взаимности перспектив». Но данные «субстанции» рассматривают социальные проблемы не в равном «отдалении» и «приближении», которые на языке психологии, являются нерелевантными. Если допустить, что властные структуры и граждане могут меняться местами (так, что «здесь» большинства населения становится «моим» со стороны государства), гражданская общность будет понимать повседневные проблемы более «близко», соответственно власть с новых позиций не настолько «отдаленно», как прежде. Это видоизменяет процедуру общественной экспертизы, которая, на первый взгляд, требует специальных знаний.

Существенный момент заключается в том, что понимание социальной проблематики обращено к множеству участников, что в конечном счете является условием его успешности. С одной стороны, люди «входят во власть», с другой – специалисты управления перемещаются в среду повседневной жизни. Тогда существующие различия в интерпретации обеих сторон выходят на передний план. Общественная экспертиза обращена именно к разрешению подобных проблем-

ных ситуаций. При этом позиция экспертов противостоит пониманию «взаимности перспектив, поскольку заключения профессионалов уникальны и противостоят обыденным рассуждениям. Разумеется, в социальной сфере не обсуждаются аномальные, вплоть до патологии случаи, которые являются предметом внимания узких специалистов. Достаточно вспомнить, как звучит призыв «обратиться» или «вызвать» экспертов в драматических, неопределенных или остроконфликтных ситуациях. Не случайно за специалистами закрепляются качества особой зоркости, наблюдательности и ума (соответственно в поле их зрения оказываются редкие приметы, детали, неожиданные обстоятельства). Конечно, в отдельных случаях обыденное сознание способно не менее точно отражать действительность, особенно если ее содержательность является крайне насущной и жизненной для граждан (специалисты замыкаются в мире профессиональных интересов и в ряде случаев не замечают перемен или не обладают необходимой компетентностью). Но повседневное понимание не включает точных систематических наблюдений. Оно отправляется от отрывочных сведений и фактов – в отличие от мнения экспертов, которые скрупулезно подходят к изучению конкретных явлений, применяют методы научного познания, и их профессиональное кредо превращается в предмет особого доверия, исследовательские усилия окружаются ореолом уважением (вплоть до трепетной веры). Вместе с тем универсально-житейское правило «доверяя – проверяй» следует распространять и на мнение узких специалистов. Конкретная практика показывает, что они являются далеко не вездесущими, не выходят за рамки типичных наблюдений и доводов здравого смысла. В частности, приглашение на «экспертизу» не освобождает заключительные выводы и мнения от влияния практических интересов и эгоистических мотивов. Именно это обстоятельство имеет в виду Л.Г.Ионин, когда говорит о необходимости проверки внутренней, формальной организации экспертного знания, которая не позволяет отделить его от повседневности и препятствует представлению как автономной сферы строгой объективности.

Автором выделяются три основных уровня понимания в структуре обыденного сознания: речевое высказывание, ход в игре и физическое действие [1, с. 49]. В отношении общественной экспертизы первый уровень означает, что представители общественности стремятся поставить вопросы непосредственно-жизненного порядка в своих обращениях к власти. На втором – формулируются более строгие, осмысленные практические претензии, появляются конкретные фразеологические обороты в рамках группового общения. На третьем уровне заявляет себя гражданская апелляция как основа понимания сущности проблемы, достигается ее целостность и обнаруживаются основные ее причины.

Развитие вербального фона включает позиции и контрпозиции участников как представления об обсуждаемых фактах, ситуациях и обстоятельствах. На этой основе получает развитие диалогизированное действие, в котором первоначально заявленные мнения постепенно оформляются как завершенные, вполне ясные и осязаемые. По отношению к ним выявляются новые контрпозиции, которые в последующем так же предстают относительно завершенными.

Ю. Хабермас называет подобный контекст диалогичности «коммуникативным действием, проявлением особой «коммуникативной власти». В этом случае следует исключать законченные контексты. Участники обсуждения стремятся создать атмосферу взаимности ожиданий. Соответственно, организаторы экспертизы (представители власти) должны осуществлять свои действия «наряду» с представителями общественности. Роли «фаворитов» оправданы до тех пор, пока их носители не превращаются в специалистов-аналитиков, у которых в отношении любой ситуации находится «предваряюще-обобщенный», закончен-

ный ответ. В данном случае нарушается ход обсуждения. А участники, выражающие несогласие, воспринимаются как противостоящие лица, и в результате устраняется дискурсивная атмосфера. [5, с. 21]

«Только открытые структуры коммуникации», подчеркивает Ю. Хабермас, могут обеспечивать самозаявительность граждан, создавать основу развития «вольных ассоциаций», способных влиять на общественное мнение посредством развитой системы аргументов. В этом случае появляется «организованное ядро многогласо дискутирующей публики», состоящей из граждан государства в их способности решать вопросы на основе принципа большинства и занимать в государстве «место суверена». Для Ю. Хабермаса проблемные обсуждения должны рациональным образом мотивировать решения большинства и придавать долговечность «руссоистскому акту общественного договора, делая легальными и публичными самые острые формы противостояния [5, с. 43].

Эти и другие замечания Ю. Хабермаса подчеркивают принципиальность идей демократического персонализма. Демократический персонализм обуславливает необходимость перехода к более углубленному пониманию способов функционирования и форм коммуникации для формирования «эгалитарной воли граждан». Демократия означает, что общество благодаря уверенному законодателю воздействует «само на себя». Люди получают регулятивные правила и результаты, которые они «в роли граждан государства, и запрограммировали». Идея программирующего взаимодействия «на самих себя», как подчеркивает Ю. Хабермас, реализуется, когда общество представляет одну большую ассоциацию, определяющую «себя саму через посредничество права и политической власти». Тогда реальное положение вещей демонстрирует необходимость циркуляции власти и гражданских отношений в государстве. [5, с. 48–50]

В данном случае также выявляется особая роль общественной экспертизы на основе зримого развертывания полей intersубъективного взаимодействия. «Ход» в диалогическом обмене или игровом действии предполагает первоначальное обращение на основе предустановленности или предподготовки к состязательному обсуждению. Далее оформляются диспозиции, которые оцениваются как необходимое вступление в действие-обсуждение в рамках «круглого стола» (в современном варианте разговорных представлений по типу ток-шоу)¹. Развитие публичного цикла обсуждению сообщает необходимый жизненный смысл, в рамках которого граждане говорят о действительно волнующих их проблемах. В продолжение появляются более обдуманные ответы, которые свидетельствуют, что ответная сторона согласует мысли и действия по отношению к противостоящей.

В герменевтическом смысле диалогическое адресование рассуждений осуществляется с предпозиции: чтобы задать вопрос, надо его поставить. Соответственно живой и открытый разговор, как его понимает Х.-Г. Гадамер, есть процесс взаимопонимания, в основе которого «вникание» в слова собеседника. С ним «считаются» и ставят себя «на его место», причем не для того, чтобы оценить данную личность, но с тем, чтобы понять «что она говорит». Х.-Г. Гадамер подчеркивает смысл общественной разговорной ситуации: восприятие фактической справедливости индивида необходимо для того, чтобы прийти к согласию «по поводу самого обсуждаемого дела». [6, с. 448] Именно эту цель преследует общественная экспертиза.

Форма телевизионного ток-шоу оказывается крайне уместной для реализации уровней диалогического взаимодействия, поскольку участники размещены в рамках прилюдного разговорного представления, находятся «на публике», приглашены в репрезентативно-персональном порядке и в необходимой мере

освобождаются от «груза» представлений повседневности. Но представители власти и эксперты преимущественно являются специалистами по кругу проблем, которые служат предметом обсуждения. Даже в непосредственном порядке они воспринимают их глубоко и взвешенно, обращаются к своим знаниям, отмечают типичные линии сюжетов, существо принципиальных моментов. В то же время, граждане постепенно «втягиваются» в обсуждаемую проблематику. Их жизненный опыт позволяет улавливать ее несомненный практический смысл и создает основу готовности к прямому рассмотрению. Соответственно развитию взаимного диалога каждая позиция осмысливается и подвергается реактивным оценкам. Новые качественные моменты вызывают острую критику, несогласие и т. п. Только в завершающей стадии они интерпретируются в общем порядке и под обсуждение подводится совместный смысл понимания.

Вместе с тем, в режиме диалога постоянно совершается «перетягивание каната», когда стороны соглашаются и не соглашаются друг с другом, поле их зрения обнаруживает скрытые ходы и умолчания, нежелание быть откровенным и принимать на себя ответственность. Каждое мнение предполагает ответственность как понимание социального смысла, важности жизненного события, в последующем доопределяется и переосмысливается. Человеческие повседневные суждения – не попытка «вторить» собеседникам, а демонстрация подвижного пространства совместимости. В результате одна сторона («позиция») переходит в противоположную («контрпозицию»), что создает основу продуктивного взаимодействия. Обсуждение «приоткрывает» галерею социальных типов, мотивов обращений и ожиданий. В завершение проективные версии специалистов и повседневные мнения совместно распространяются на жизнь социального целого. Множество мнений, прежние упреки предстают взаимными, способными проникать друг в друга, убеждая в том, что стороны достигают объективного понимания ситуации.

Как правило, диалог развивается на уровне импровизации, что ставит под сомнение методическую четкость. Более того, он может предполагать и нарушение спланированного канона, в результате чего возникает многослойное обсуждение заявленных проблем. Так, граждане вряд ли осознают, что нередко ими осуществляется подведение конкретной ситуации под типологические основания, процедуры квазиэкспертного рассмотрения.

В конкретном случае разговорное студийное общение в телеэфире является разворачивающимся действием по «опознаванию» актуальной реальности на основе обоюдных рассуждений принципиального характера. Потребность в этом появляется тогда, когда стандартные объяснения экспертов не «спасают» сложные социальные ситуации. Иначе говоря, общественная экспертиза необходима при обилии фактов и подходов, которые не поддаются традиционным интерпретациям. Общественность является экспертом именно по таким ситуациям, когда разрешение социальных проблем оказывается заблокированным. Проблемные ситуации граждане могут воспринимать в границах обыденного сознания и тогда формально появляется потребность в экспертах. Вместе с тем экспертизе общественных проблем следует быть «обоюдным разговором».

Анализ проблемных ситуаций постоянно совершается на «стыке» специальных знаний и опыта повседневности. Идея общественной экспертизы не исключает допущение, что определенность мнений экспертов ставится под сомнение окружающей жизнью. Ее неправомерно относить исключительно к их компетенции, которая позволяет официальным лицам снимать свою ответственность за положение дел и отдавать их разрешение на «откуп» специалистам. Когда

социальная проблематика исключительно «освящается» авторитетом профессионалов, может появиться неверно поставленный социальный диагноз.

Каким образом совместить профессиональную повседневность экспертизы как занятие и социальную повседневность как мнение граждан? Целям снятия подобных барьеров и предназначена общественная экспертиза. Граждане отмечают стороны грани реальности, которые кроме них не видит никто. Эксперты освобождаются от иллюзий, что только им подвластно знание жизни. Условием успешности совместных действий является постепенное совпадение позиций профессиональной экспертизы и общественных интересов, обоюдная причастность к животрепещущим темам и вопросам. В этом случае «общественная экспертиза» и «проектные версии» устремляются друг к другу. Каждая сторона является активным участником обсуждения. Дебаты обнаруживают «нечто новое» как конкретно-проблемное знание. В конце концов, реализуется позитивный вариант тезиса «совместных перспектив» понимания жизни. Когда участники судят о ней одинаково здраво, взвешенно и ответственно, достигаются принципиальные цели экспертизы. Специалисты избегают полагания на формальную заинтересованность ответственных лиц и одновременно устраняется некритическое мнение массовой повседневности. В результате не происходит разрыва мнений сторон в отношении насущной социальной практики.

Рассмотрение – на первый взгляд – узкоспециальных вопросов экспертного знания позволяет оценить перспективы развития гражданской общности людей в ее взаимодействии с властью. Органы власти должны укреплять себя в качестве цивилизационной общности, которой обеспечивается арбитраж взаимоотношений между социальными группами, слоями и объединениями граждан. Это предполагает известный отход от бинарного характера данных взаимосвязей (деятельность–самодеятельность, подчинение – свобода), а также снятие «драматизации» отношений между государством и гражданским обществом [7, с. 136]. Более полезным и эффективным является не проведение «курсов политики», но определение курса на погружение в дела общества, «увиденность» и «зримость» активных слоев населения (не только авангардно-активных); закрепление плюральности действующих активных сил. Это и будет переходом к несанкционированной активности населения, устранению исчезающей социальной активности, что позволит укрепить формы саморепрезентации населения, развивать самостоятельность социально-гражданских сил, обеспечить качество трансформаций общества, формирование среды парapolитических объединений граждан.

Список литературы

1. *Ионин Л.Г.* Понимание и экспертиза // Вопросы философии. 1991, №10.
2. *Шюц А.* Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1986, №3. См. комментарий к творческому наследию социолога: Григорьев Л.Г. «Социология повседневности» Альфреда Шюца // Социологические исследования. 1986, № 3.
3. *Франк С.Л.* Непостижимое // Франк С.Л. Сочинения. М.: 1990.
4. *Бубер М.* Два образа веры. Я и Ты, Диалог. – М.: 1995.
5. *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность (московские лекции). – М.: 1995.
6. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. – М.: 1987.
7. *Соловьев А.И.* Три облика государства – три стадии гражданского общества // Политические исследования. 1996, №6.

¹ Имеется в виду регулярное проведение общественной экспертизы наряду с проектными версиями в формате телевизионного ток-шоу «Как жить будем». Естественно, это не развлекательное разговорное представление. Круг участников включает как специалистов, так и гражданскую общественность.